

Михаил Петрович Старицкий

Пан капитан

Из галереи старых портретов

(БЫЛЬ)

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

Свежо предание, а верится с трудом.

Грибоедов

В сумерки жизни, когда наступающая тьма холодной, беспросветной ночи навеивает какой-то таинственный трепет, душа особенно чутка к невозвратному и всеми надорванными струнами силится пробудить угасшие звуки и слить их в последний аккорд. Минувшие годы, ушедшие вереницей в туманную даль, начинают выплывать из забытой полосы жизни неясными обликами, и странно – чем дальше вглубь, тем яснее они обрисовываются: видно, отзывчивее было молодое сердце, и давние, дорогие образы и картины запечатлелись глубже в нем... Вот и теперь, на краю голубой мглы, они встают светлым миражем... давно забытый сон мерещится пред тусклым взором, вспыхивает, как догорающая лампада: открываются могилы, оживают бледные лица, протягивают холодные руки, зажигаются лаской глаза... и какой-то далекий вздох пробегает теплым дыханием по усталому сердцу.

Полстолетия уплыло, а вот как будто стоит у меня перед глазами маленький, сторбленный домик, словно выросший в землю грибок: высокая кровля крыта соломой, гривками, с двумя наддашниками и выступающим посередине ганком; подслеповатые окна смотрят с одной стороны на широкий, обнесенный постройками двор, а с трех остальных – упираются в густые заросли вишен и терна, обступившие домик тесной стеной. Внутри он напоминал собой гроб, – такой же был мрачный, сдавленный, полный затхлого запаха, – но мне он казался уютнейшим уголком, особенно летом, когда можно было в пяти проходных комнатах бегать кругом, через темные сени.

Я был еще хлопцем лет восьми, девяти... не больше, когда мы жили в этом домике, в своем родовом поместье. Старый, предковский дом был совершенно в другом месте, на краю села, но он стоял уже тогда развалиной, среди заглохшего парка, а семья наша, впредь до обновления его, перешла в служебный домик – в официну, стоявший посреди села, да так в нем и осталась, забывши совершенно о прежнем пепелище... Некому, впрочем, было и позаботиться о возведении новых построек: над нашей семьей перешло черной полосой тяжелое горе – один за другим скончались в короткое время отец мой, дед, сестра и два брата... Оттого-то и не выходил из наших комнат запах ладана. Только трое нас и жило там в полном уединении: мать моя, вся в черном, бледная, худая, с крупными черными глазами, повитыми неслетающей печалью, да согнутая маленькая старушка в белом чепце, обрамлявшем сморщенное, но бесконечно доброе личико – мать моей матери, моя бабуня, да я, – единственный сын и единственный внук, – на котором и сосредоточилась вся любовь этих женщин: и берегли же меня эти два дорогие существа... пуще глаза!..

Жизнь наша текла ленивой, сонной струей, не возмущаемой ни бурями, ни подводными камнями. Приходили с раннего утра, удосвита, приказчик да ключница, и с общего совета, в котором участвовала и няня, делались распоряжения по хозяйству, потом являлся повар, за ним баба-молочница... Затем переносились хлопоты на меня, общего баловня: начиналось одевание паныча, проходившее, конечно, не без капризов... Впрочем, большая часть дня тратилась на панское кормление: пили чай, кофе, снидали, обедали, пидвечиркували, вновь пили чай... и вечерами; в антрактах между кормежками я немного занимался с мамой: арифметикой, законом божием, географией, а с бабушкой – языками и игрой на клавикордах; остальное время я проводил в забавах с хлопцами и дивчатами, или же на дворе – летом, или в детской – зимой. С весны в открытые окна нашего домика врывались и песни рабочих, и гомон улицы, и запах шелюги, что росла по той стороне озера, вверх по песчаным холмам... и минорные стоны лягушек. Но с глубокой осени, когда вставлялись двойные окна, пропускавшие только мутный, зеленоватый свет, когда в углах залегал сумрак и двери закрывались в темные сени, жизнь наша замыкалась в этой тьме, как в тюрьме, и замирала почти в однообразной, безмолвной тоске.

В комнатах воцарялась тишина, прерываемая лишь изредка какой-либо фразой или моим шумом; но и моя детская резвость угасала скоро в присутствии молчаливых лиц бабушки и матери, вечно занятых каким-либо делом: бабушка, например, или вязала чулки, или пряла на кужиле, или раскладывала пасьянсы, а мама все вышивала на пальцах да тачала что-то и только в сумерки иногда садилась за клавикорды и пела заунывные украинские песни... да так пела, что